

- Какая-то... химера?.. - прошептал Эд на аместрийском и моргнул. Заострённые уши. Длинные носы. Лица на человеческой основе. Он визуально разобрал каждого, предполагая, как минимум три животных в смеси с человеком могли дать такой результат, но только один раз, а не снова и снова.

“Кто эти люди, раз способны на такую извращённую алхимию...” - подумал Эд с ужасом от возможного ответа. “Они все казались такими добрыми. Но если они могут творить такое...”

- О, значит ты их заметил. Ужас какой, правда? - прошептала ему на правое ухо Гермiona, и он посмотрел на неё, заставив лицо оставаться нейтральным. - Я считаю, с домовыми эльфами следует обращаться лучше, ты так не думаешь? - сказала она.

- Да, - едва выдавил он, горло сдавило.

Она мило улыбнулась и направилась вверх, чуть встряхнув пушистые каштановые волосы.

Эд моргнул. Он сглотнул подступившую тошноту и продолжил путь на кухню. Гарри и Рон проскочили мимо него, когда он вошёл. Он сел за стол и заставил себя проглотить кусок хлеба, запив апельсиновым соком. Всё остальное вызывало отвращение.

Он нашёл кружку и налил себе кофе, чувствуя, что ему необходим этот жидкий солнечный свет. Потом некоторое время сидел, смакуя горький тёмный напиток.

Раздался громкий звон колокольчика, тут же усилившийся до воплей и криков. Он подпрыгнул от неожиданности и поднялся из-за стола. Когда он добрался до двери на кухню, то понял, что всё ещё держит в металлической правой руке кружку с дымящимся кофе. Он пожал плечами и открыл дверь.

Крики и вопли, казалось, доносились из всех почерневших от времени картин вдоль лестницы, самые громкие - из полотна размером с дверь в ободранных молю занавесках. На нём был изображён портрет старой женщины. Кожа пожелтела от старости и плотно обтягивала скелет, но в то же время обвисала. Настолько, насколько Эд мог разглядеть, изображение двигалось.

В данный момент оно кричало: “Позорные пятна, грязные полукровки, предатели крови, дети отродья!...”

Эд наклонил голову и поднёс кружку к губам. Он наблюдал, как Сириус сбежал по лестнице, орал на каждую картину “Заткнитесь, к чёрту!”, а самые язвительные проклятья приберёг для портрета старухи, прежде чем дёрнул занавески. Затем мужчина бросился к двери в конце коридора.

Эд подошёл к занавешенной дверной картине и остановился перед ней.

- Хестия только что сменила меня, так что теперь у неё мантия-невидимка Муди. Я подумал, оставлю отчёт для Дамблдора... - раздался глубокий голос. Эд узнал Шеклболта.

- А, Эдвард. Вот ты где. Тебе полагалось... Это что... КОФЕ?.. ты пьёшь? - прошептал Сириус.

Эд фыркнул и сделал ещё глоток, давая усмешке скользнуть по губам. Он бросил взгляд на ошарашенное лицо Сириуса.

- Разве это так удивительно? - сказал Эд нормальным голосом и снова повернулся к картинам. - Что это за штуки? Телевизоры, что ли?

Занавески сами раздвинулись, и портрет перед ним снова закричал. К нему присоединились остальные, и шум стал поистине оглушительным. Сириус тут же принялся бегать и орать на каждую рамку, чтобы заткнулись, приберегая самые едкие ругательства для старухи, прежде чем дёрнул занавески. Вскоре к нему присоединился больной на вид Люпин, спотыкаясь спустился по лестнице.

Женщина на портрете посмотрела прямо на Эда. Он был в этом уверен. Он выдержал её взгляд, прижимая кружку к губам.

- ТЫЫЫ! Даже не грязнокровка! МАГЛ?! Этот предатель крови! Как он смеет осквернять дом моих благородных предков...

Смешок Эда был похож на выдох, но губы всё же искривились в усмешке. Люпин и Сириус с двух сторон отчаянно тянули занавески, пытаясь закрыть их изо всех сил. Сириус даже орал во всё горло. Эд опустил кружку и положил руку на плечо куда более крупного мужчины, аккуратно отодвигая его в сторону. Затем он протянул руку к портрету и приложил к нему голую левую ладонь, закрыв глаза.

- ЧТО ТЫ...?! - заорал мужчина, и от злости, и чтобы перекричать весь этот шум.

Женщина на портрете завопила что-то про "ГРЯЗНЫЕ РУКИ...!"

<http://tl.rulate.ru/book/103687/3613600>